

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ПЛАНИРОВАНИЯ КАК ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЛАНИРОВАНИЯ: СОСТОЯНИЕ И ВОЗМОЖНОЕ РАЗВИТИЕ¹

Виталий Леонидович ТАМБОВЦЕВ,

доктор экономических наук, главный научный сотрудник,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия,
e-mail: tambovtsev@econ.msu.ru;

Ирина Андреевна РОЖДЕСТВЕНСКАЯ,

доктор экономических наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия,
e-mail: irozhdestv@gmail.com

Цель статьи – очертить контуры институциональной теории планирования (ИТП) и обосновать возможность ее трактовки как общей теории планирования. Для этого мы вкратце характеризуем существующее разнообразие теорий планирования и описываем основные достижения в области применения идей новой институциональной экономической теории (НИЭТ) в исследованиях планирования. С нашей точки зрения, ИТП – это теория, в рамках которой планирование описывается как последовательность взаимодействий индивидов, – плановиков и стейкхолдеров непосредственных и конечных результатов планирования, – осуществляемых под влиянием стимулов, формируемых в конкретных условиях внутренней и внешней институциональной среды системы планирования. Исходя из значимости стимулов для успешности планирования, мы вводим следующие типы ситуаций планирования:

– самопланирование, в рамках которого индивид планирует свои собственные действия;

– коллективное планирование, при котором группа индивидов сообща, формируя в ходе обсуждения консенсус, определяет будущие действия ее участников;

– планирование по поручению, когда группа индивидов поручает другим индивидам (в том числе из состава самой группы) сформировать план будущих действий участников этой группы;

– директивное планирование, в рамках которого группа индивидов формирует план действий участников другой группы, при отсутствии прямого поручения со стороны последних сделать это.

В качестве примера применения этой типологии выявлено, какие институциональные факторы в разных ситуациях планирования влияют на

¹ Статья подготовлена в рамках научных исследований, выполняемых при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01324) «Устойчивое развитие экономики территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов и районных центров».

стимулы плановика обеспечить высокое качество планов. Исходя из проведенного анализа, делается вывод о возможности формирования на базе ИТП общей теории планирования.

Ключевые слова: теория планирования; новая институциональная экономическая теория; стимулы плановика

INSTITUTIONAL PLANNING THEORY AS A GENERAL PLANNING THEORY: STATE OF THE ART AND FURTHER DEVELOPMENT

Vitaliy L. TAMBOVTSEV,

Doct. Sci. (Econ.), Senior Staff Scientist,
Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
e-mail: tambovtsev@econ.msu.ru;

Irina A. ROZHDESTVENSKAYA,

Doct. Sci. (Econ.), Professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia,
e-mail: irozhdestv@gmail.com

The purpose of the article is to outline the basic features of the institutional theory of planning (ITP) and to justify its interpretation as a general planning theory. For this, we briefly describe the existing diversity of planning theories and the main achievements of the new institutional economics (NIE) in planning studies. From our point of view, ITP is a theory in which planning is described as the sequence of (inter-) actions of individuals – planners and stakeholders of immediate and final planning results – carried out under the influence of incentives formed in specific conditions of the internal and external institutional environment of the planning system. Proceeding from the importance of incentives for the planning success, we introduce the following types of planning situations:

Self-planning, with the individual planning one's own actions.

Collective planning, with a group of individuals together forming a consensus during the discussion, determining the future actions of the group members.

Planning on behalf of somebody, with a group of individuals entrusting other individuals (including the group members) to draw up the framework for action for the group members.

Directive planning, with a group of individuals drawing up an action plan for another group members without the direct instructions from the latter ones.

To illustrate this typology application, we show which institutional factors in different planning situations affect the planner's incentives to ensure high quality plans. Based on the analysis, a conclusion is made on the possibility of building the general theory of planning on the basis of ITP.

Keywords: planning theory; new institutional economics; planner's incentives

JEL classifications: B52, D02, D23, O21, P11

Введение. Нужна ли теория планирования?

В условиях ограниченности ресурсов любые индивиды и их группы (организации) сталкиваются с задачами их распределения для достижения своих целей наилучшим с их точки зрения образом. Постановка и решение таких задач, как легко видеть, представляет собой не что иное, как процесс планирования – разработку и принятие плана. Планированием, таким образом, пронизана вся человеческая деятельность, за исключением случаев спонтанных или инстинктивных действий.

Люди планируют и действуют в окружении других людей, а их действия часто имеют последствия, выходящие за рамки запланированных результатов. Эти последствия могут касаться других людей, влиять на уровень их благосостояния. Во избежание последующих конфликтов в случае негативного влияния (более или менее) рациональный индивид сталкивается с необходимостью согласования своих планов с планами других индивидов. Такое согласование обычно имеет характер переговоров, в которых стороны, преследуя собственные интересы, стремятся найти взаимовыгодное решение.

Исключения составляют ситуации, в которых потенциал насилия одной стороны много выше, чем у другой, поэтому возможные в будущем конфликты в связи с возникающими негативными экстерналиями не вызывают у такого индивида (или группы) желания согласовать свои планы с потенциальными «потребителями» этих экстерналий. Такое «движение напролом» имеет свои пределы, поскольку, во-первых, связано с непроизводительным расходом ресурсов, а во-вторых, может столкнуться с организованным сопротивлением со стороны многих индивидов, затрагиваемых негативными экстерналиями несогласованных (односторонних) действий, чей совокупный потенциал насилия может превысить таковой у «независимого» актора.

Поэтому типичной является ситуация *координации* планов. Она может иметь как пассивный, так и активный характер. В первом случае индивид, не вступая в прямые переговоры, стремится предугадать как отдаленные последствия своих действий, так и действия (реакции) других индивидов на них, а также их действия, не связанные с его действиями, и их последствия для себя. Успешность такого предвидения лимитирована, очевидно, уровнем ограниченности рациональности индивида, полнотой его знаний и т.п. Во втором случае место прогнозирования (угадывания) занимает прямой обмен информацией о намерениях сторон, намечаемых действиях и т.п. Здесь также есть свои пределы возможностей, связанные уже не только с ограниченной рациональностью участников, но и с их потенциальным *оппортунизмом*, т.е. использованием хитрости, обмана и коварства для достижения своих целей.

Будучи принятым в результате соответствующего решения, план приобретает свойство *нормативности*, предписательности, определяя будущие действия его субъекта, а нарушение плана может повлечь за собой наказание нарушителя.

Отмеченные моменты свидетельствуют как о значимости планирования на разных уровнях организации экономики и общества, так и о тех сложностях, с которыми оно может столкнуться (и сталкивается) на практике. В таких условиях особую важность приобретают *теоретические* исследования планирования, нацеленные на выявление общих и частных закономерностей функционирования систем планирования, связей между устройством последних и практической ценностью формируемых планов и т.п. С нашей точки зрения, такого рода разработки могут (при желании опереться на них) как минимум предотвратить непроизводительные усилия и расходы субъектов планирования на создание систем, неадекватных условиям, в которых они должны работать. В идеальном случае общая теория может показать, какие типы планов и плановых систем наилучшим образом соответствуют сложившимся условиям в экономике и обществе.

Однако сформулированная точка зрения не является единственной. Так, около 40 лет назад Т. Гэллоуэй и Р. Мэхейни заявили о необходимости создания теории, которая бы интегрировала «процедурные и содержательные элементы теории плани-

рования так, чтобы отразить множественность связей процесс – объект в текущей практике планирования» (Galloway & Mahayni, 1977, p. 62). Несколько позже С. Мандельбаум, сформулировав неочевидные критерии, которым должна, по его мнению, отвечать общая теория планирования, показал, что таковая невозможна (Mandelbaum, 1979). Двадцать лет спустя Э. Александер продемонстрировал, как может быть устроена общая теория планирования (Alexander, 1998), а еще восемь лет спустя К. Донеиги и Л. Хопкинс подтвердили, что общая теория планирования не только возможна, но и полезна (Donaghy & Hopkins, 2006).

То, что теория планирования (ТП) должна в первую очередь *объяснять* практику планирования, вскрывать *причинные связи*, обусловившие наблюдаемые ситуации, отмечали на протяжении ряда лет многие исследователи (Poulton, 1991; Flyvbjerg, 2009; Lord, 2014), в то время как другие подчеркивали преимущественно *нормативный* характер этой теории (Feldman, 1995; Harris, 1997).

Таким образом, даже по самым общим вопросам научного анализа планирования налицо отсутствие единства суждений.

Разнообразие теорий планирования

Становление области теоретического знания, включающей различные варианты ТП, долгое время происходило «под знаком» дебатов между сторонниками государственного планирования и его противниками в 1930–1940-е гг. (Klosterman, 1985), которые концентрировались преимущественно вокруг противопоставления плана и рынка. Сторонники ссылались на провалы рынка, обусловленные существованием экстерналий и общественных благ², доказывая, что планирование – это способ реализации общественных интересов, якобы тесно связанных с общественными благами³. Противники же подчеркивали потенциально высокую цену провалов государства, вероятность появления которых также весьма высока, учитывая трудно контролируемое влияние групп специальных интересов. Хотя отголоски этой дискуссии продолжают оставаться в сфере внимания исследователей (см., напр.: Hefetz & Warner, 2007; Tasan-Kok & Baeten, 2012), но волнуют их в последние десятилетия иные вопросы, больше связанные с процессами, формами и методами планирования, нежели чем с оправданием его существования в рыночной экономике⁴.

Разнообразие подходов к этим вопросам было и остается столь большим, что породило несколько классификаций ТП. Одна из первых, предложенная А. Фалуди, подразделяла ТП на содержательные (substantive) и процедурные (procedural) теории (Faludi, 1973). Первые, имея междисциплинарный характер, анализировали объект планирования: транспортную инфраструктуру, жилищное строительство, ландшафты и т.п., в то время как вторые – методы принятия плановых решений. Критика этого подхода заключалась в первую очередь в том, что он характеризовался как «аполитичный», сводивший процедурные ТП исключительно к техническим вопросам (Thomas, 1982). Тем не менее это разграничение прочно вошло в характеристику теорий планирования.

Иной подход к типологии ТП избрали Б. Хадсон и другие, выделившие в их множестве пять подходов: сводный (synoptic), инкрементный, транзакционный (transactive), правозащитный (advocacy) и радикальный (Hudson et al., 1979). Будучи по сути дела эмпирической и эклектичной, эта типология соединяла политический и процедурный аспекты планирования. Сводный подход заключался во всеобъемлющем характере

² См., напр.: Lee, 1981.

³ Что является заблуждением, см. (Тамбовцев, 2014).

⁴ Мы намеренно не касаемся здесь разработок по планированию, выполненных в СССР и других соцстранах. Несмотря на то что на практике планирование буквально пронизывало все функционирование экономики (да во многом и общества), *позитивная* теория планирования в то время не была разработана. Многочисленные книги и статьи, посвященные этой теме, имели ясно выраженный *нормативный* характер. Вероятно, это объясняется тем, что в позитивной теории просто не было нужды: ведь все «теоретическое основание» планирования заключались в «законе» планомерного развития социалистической экономики, которое постулировалось как очевидная антитеза стихийному развитию экономики капиталистической.

разрабатываемых планов, которые должны охватывать все основные компоненты и подсистемы объекта планирования, основываясь на рациональных решениях. Инкрементный подход, следуя трактовке политического процесса Ч. Линдбломом (Lindblom, 1959) не как рационального принятия решений, а как «прокарабкивания» (muddling through) через массу привходящих обстоятельств, схожим образом понимал и процесс планирования. Трансакционный подход, подчеркивая важность вовлечения людей, затрагиваемых намечаемыми плановыми решениями, в их разработку и принятие, непосредственно опирался на демократическое политическое устройство стран. Правозащитный подход основывался на необходимости учитывать в планировании интересы обездоленных групп, обычно не представленных в политическом процессе. Наконец, в рамках радикального подхода Хадсон и другие выделяют два направления: одно, близкое к трансакционному подходу, отмечающее важность развития личности, кооперативного духа и свободы от манипуляций со стороны власти; и другое, подчеркивающее значимость классовой борьбы и необходимость преодоления «мандаринизма» в планировании территориального развития сообществ.

Орен Ифтахель, предлагая сложную типологию компонентов ТП использования земельных ресурсов, выстраивает ее вокруг трех направлений обсуждения:

(а) аналитического, стремящегося раскрыть суть планирования как социально-экономического феномена;

(б) урбанистического, сопоставляющего существующие и перспективные формы совместного проживания членов различных сообществ;

(в) процедурного, в котором сталкиваются альтернативные подходы к организации процессов принятия плановых решений (Yiftachel, 1989).

Выделенные «потоки» дебатов взаимно пересекаются, что обеспечивает не только возможность их (частичного) синтеза, но и выявление лагун в проблематике планирования. Такой подход, по мнению его автора, позволяет во многом преодолеть разрыв не только между содержательными и процедурными ТП, но и между позитивным и нормативным подходами к планированию.

Д. Коннелл, говоря не о направлениях, а о школах «плановой мысли» (Schools of Planning Thought), разграничивает их по смешанным политико-философским основаниям, выделяя сторонников «новых правых» (максимальная свобода рынков, минимальное плановое вмешательство), марксизма и критической теории (критика не теории, а содержания планирования, защиты в нем интересов капиталистов), прагматизма («планирование – это то, что делают плановики»), правозащитников (необходимость учета интересов обездоленных), постмодернизма (отрицание общих ценностей, ценностно-нейтральной науки и прогресса) и коллаборативного планирования (соединение позитивистского рационализма и постмодернистского плюрализма, всеобъемлющие планы, формируемые инклюзивно) (Connell, 2010).

Оригинальный вариант классификации ТП, базирующийся на «пост-позитивистских» философских предпосылках, предложил Ф. Оллмендинджер. Он выделил «обрамляющую теорию» (Framing Theory), выполняющую роль эпистемологии в теоретическом знании о планировании, «экзогенную теорию» (Exogenous Theory), включающую теорию демократии, когнитивную психологию, теорию регулирования, теорию федеративных отношений и т.п., *социальную теорию*, включающую основные социологические подходы, *социальное научное философское понимание* (Social Scientific Philosophical Understandings) и *специфические теории планирования* (Indigenous Planning Theory), под разными углами зрения изучающие собственно планирование (Allmendinger, 2002).

В последние годы наметилось еще одно разграничение: ТП, создаваемые на «глобальном Севере» и на «глобальном Юге» (Watson, 2016). Первые отражают реалии устойчивейшей институциональной среды «старых» демократий, в то время как вторые – неоднозначные политико-экономические условия ухода от колониального прошлого, и

эти различия условий не могут не сказываться на содержании как теорий, так и практик планирования.

С нашей точки зрения, во всем многообразии подходов к классификации ТП, тем или иным способом «размещающих» их в системе научных знаний, явно отсутствует их привязка к той или иной из *более общих научных теорий*⁵. Ведь планирование – один из видов координационных деятельностей, осуществляемых на разных уровнях организации общества. Эти деятельности изучаются многими науками, такими как экономическая, политическая, социологическая, социально-психологическая и т.д., каждая из которых анализирует (или может анализировать) планирование под своим углом зрения. Многие из упомянутых выше ТП совмещают в себе подходы нескольких наук, в то время как другие основываются только на одной из них.

Как представляется, классификация ТП по «базовой» науке из числа изучающих общество⁶ могла бы внести значимый вклад в «картографию» всей их совокупности. Не ставя перед собой такую задачу, остановимся только на одном из направлений ТП, фактически существующем на протяжении ряда лет, но не позиционирующем себя как отдельную теорию, – институциональной теории планирования (ИТП).⁷

Формирование и состояние институциональной теории планирования

Словосочетание «институциональная теория» (Institutional Theory) нечасто встречается в текстах, посвященным разным вопросам экономической науки. Его наиболее общее, как представляется, значение можно выразить следующим образом: это «теоретический подход к анализу социальных (в частности, организационных) феноменов, который рассматривает социальный мир как состоящий из институтов – устойчивых правил, практики и структур, устанавливающих условия действий» (Lawrence & Shadnam, 2008, pp. 2288–2289). Когда исследователи говорят об институциональной теории какого-то объекта или процесса, обычно речь идет о применении того или иного варианта институционализма к анализу некоторого феномена (см., напр.: Kostova et al., 2008), причем, какой именно вариант институционализма применяется, не всегда указывается в явном виде. По нашему мнению, наиболее перспективной среди всех вариантов институционализма является *новая институциональная экономическая теория* (НИЭТ), которую мы далее и будем иметь в виду, говоря об институциональной теории.

В связи с этим приведенное общее понимание имеет смысл уточнить следующим образом: институциональной можно назвать теорию чего-либо, если ее предметом выступает соответствующий объект, представленный в виде (взаимо)действий индивидов, осуществляющихся в рамках определенной совокупности институтов: как тех, которые непосредственно задают рамки их действий, так и тех, которые влияют на первые. При этом основное внимание в такой теории уделяется описанию, объяснению и предсказанию как самих взаимодействий, так и их результатов. При этом одним из ведущих факторов объяснения и предсказания выступают институты, координирующие и ограничивающие (и тем самым влияющие на стимулы действий) деятельность, а также перераспределяющие усилия индивидов в ходе подготовки и принятия решений о предпринимаемых действиях.

Соответственно, институциональная теория планирования (ИТП) – это теория, в рамках которой планирование описывается как последовательность (взаимо)действий индивидов, – плановиков и стейкхолдеров непосредственных и конечных результатов

⁵ Исключение составляет статья (Alexander, 2015), где автор выделяет такие школы плановой мысли, как радикально-коммуникативную, постструктуралистскую и институциональную.

⁶ Включая и точные науки, такие как математика и кибернетика, поскольку *модели принятия плановых решений*, разрабатываемые на их основе, нельзя исключать из состава различных ТП.

⁷ Одновременно можно говорить о существовании направлений в ТП, восходящих к экономике развития (Misra & Puri, 1986), теории социального (коллективного) выбора (Sager, 2001), экономике благосостояния (Cheshire & Sheppard, 2002), поведенческой экономике (Lai & Han, 2014) и, вероятно, другим экономическим теориям.

планирования, – осуществляемых под влиянием стимулов, формируемых в данных условиях внутренней и внешней институциональной среды системы планирования. При таком понимании ИТП неизбежно *интегрирует* содержательный и процедурный аспекты планирования: ведь институциональная среда влияет не только на правила разработки планов, но и на их цели.

Однако по мнению Э. Александера, «институциональный подход сдвигает фокус внимания с планирования как индивидуальной или межиндивидуальной деятельности к видению его как аспекта социальной координации (*aspect of governance*)» (Alexander, 2007, p. 38). С нашей же точки зрения, в центре внимания институционального подхода к ТП по-прежнему остаются (взаимо)действия *индивидов*, однако расширяется круг анализируемых факторов, которые на них влияют. Позиция Александера, как представляется, обусловлена во многом тем, что содержание понятия института, которым он оперирует, является социологическим, т.е. очень широким и неопределенным. Схожую позицию занимает и А. Ким, которая, отмечая ценность «нового институционализма» для изучения планирования, одновременно говорит о его внутренних проблемах (Kim, 2012). К ним она относит отсутствие концептуальной ясности, нерелевантность вопросам политики, некритическое отношение к власти, отсутствие объяснения институциональных изменений. Очевидно, в рамках НИЭТ такого рода проблем не существует; в частности, феномен власти (насилия) естественно включается в анализ институтов через механизмы принуждения правил к исполнению (или, как иногда говорят, инфорсмент), что позволяет демистифицировать власть и анализировать ее подобно другим экономическим действиям: производству, обмену и потреблению (Tambovtsev, 2011).

Применение идей НИЭТ в анализе планирования имеет достаточно длительную историю. Хотя Б. Хадсон и другие (см. выше) трактовали транзакционный подход к планированию преимущественно с точки зрения его *политической* направленности, по нашему мнению, не менее, если не более важно подчеркнуть его ориентацию на анализ действий *индивидов* – плановиков и их заказчиков – в *определенной институциональной среде* (Friedmann, 1973). В этом аспекте данный подход фактически оказывается одним из первых шагов в возникновении ИТП.

Положения теории прав собственности как составной части НИЭТ начали активно использоваться в 1970-е гг. при обсуждении проблематики зонирования городских и иных территорий (Nelson, 1977; Fischel, 1978)⁸. Уже в середине 1980-х С. Мандельбаум, отвечая на критику ТП, утверждающую, что, уйдя от «парадигмы рационального планирования», она так и не пришла к какому-либо новому пониманию своего предмета и задач (Healey et al., 1982), доказывал, что это не так, что ТП уже достаточно давно фактически перешла на «институциональные позиции» (Mandelbaum, 1985). В качестве подтверждений этому он ссылаясь на работы Дж. Гэлбрейта, Г. Минцберга, Г. Райффа, а также О. Уильямсона, датированные серединой 1970 – началом 1980-х гг. Безусловно, все перечисленные авторы далеки от идей рационального принятия решений, однако тема планирования проходит в них либо применительно к фирмам и корпорациям, либо вообще затрагивается вскользь.

Первой статьей, где идеи НИЭТ в явном виде были связаны с классическими вопросами теории планирования, т.е. планированием использования земли в городах и более широких территориях, была работа Э. Александера (Alexander, 1992), включившая в лексикон ТП понятие транзакционных издержек. Соответственно, уже к концу 1990-х гг. К. Уэбстер (Webster, 1998) говорит о коузианской теории планирования, понимая под ней объяснение самого факта существования планирования (трактуемого как вмешательство государства или местного сообщества в процессы использования земельного ресурса) не необходимостью регулирования экстерналий, а запретитель-

⁸ В те же годы эта тематика рассматривалась и под углом зрения экономического анализа права (Law & Economics), идейно весьма близкого к НИЭТ (Ellickson, 1977).

но высокой величиной трансакционных издержек переговорного процесса между сторонами, намечающими альтернативные способы использования земли.

В 2005 г. выходит обстоятельный обзор Л. Лаи, посвященный применению НИЭТ в ТП (Lai, 2005), обзор К. Уэбстера и др. (Webster et al., 2005)⁹, и в том же году Ф. Мулерт, характеризуя соотношение НИЭТ и ТП, говорит о нем как о «партнерстве страусов», не замечающих друг друга (Moulaert, 2005): первая не принимает во внимание властно-силовой аспект трансакций¹⁰, являющихся на деле взаимодействием *неравных* партнеров, в то время как вторая не в полной мере использует аналитический и категориальный аппарат, разработанный в НИЭТ¹¹.

Важный вклад в анализ властных отношений в планировании внесло введенное Э. Александером понятие *прав планирования* (planning rights), под которыми он понимал «институциональные права, основанные на социально принятых политико-нормативных принципах: должной процедуры (due process), участия, разумности (reason), прав человека и гражданских прав, прав собственности и общественного интереса» (Alexander, 2002, p. 191). Можно спорить об универсальности состава этих принципов, однако сама постановка вопроса сомнений не вызывает. Ее естественным развитием стало формирование представлений о правах третьей стороны в оспаривании плановых решений (Ellis, 2004; 2006) и формах применения прав планирования (Alexander, 2007). Широкие совокупности прав (не только юридических), которые существуют (или должны существовать) в связи с процессами планирования, представлены в (Kumar, 2011, pp. 25–27), применительно к юрисдикциям Израиля и Индии. Однако только совсем недавно (Fawaz & Moumtaz, 2017) к обсуждению этих вопросов привлечена классическая работа У. Хофилда (Hohfeld, 1917), в которой категория прав (rights) была включена в систему смежных юридических категорий¹². В частности, согласно ставшему общепринятым пониманием Хофилда, какое-либо *право* у субъекта существует только тогда, когда у кого-то другого (гаранта права) есть *обязанность* это право защищать от посягательств на нарушение предоставляемой правом субъекту свободы выбора. На такой надежной основе права планирования уже можно анализировать не как формальные, а вместе с фактически действующим механизмом их защиты. Такой анализ, как представляется, – одна из перспективных задач ИТП.

В течение последних десяти лет достаточно широко развернулись сравнительные исследования систем планирования (см., напр.: Schmidt & Buehler, 2007; Oxley et al., 2009). Безусловно, такой анализ осуществлялся и ранее (Healey & Williams, 1993), однако отличительной чертой современной компаративистики планирования стало гораздо большее внимание, уделяемое его неформальной составляющей, прежде всего как компонента *систем* планирования. Так, по мнению У. Джанин Риволина, система планирования соединяет в себе как организационную структуру и совокупность институтов, так и культуру планирования, а также совокупность практик планирования (Janin Rivolin, 2012). Саму систему планирования он определяет посредством понятия «институциональной технологии», весьма расплывчатого и плохо определяемо-

⁹ Наиболее поздний обзор (Sorensen, 2017) лишь вскользь касается НИЭТ.

¹⁰ О важности изучения властных отношений в планировании писал ранее Б. Фливбьерг, предложивший специальный термин «*фронетические исследования*» для анализа этих отношений в традициях Макиавелли, Ницше, Фуко и Бурдьё (Flyvbjerg, 2002; 2004).

¹¹ Нужно отметить, что приложение НИЭТ к ТП не обходится без казусов. Так, Л. Лаи разработал «модель планирования по контракту» (или «по взаимному согласию»), в которой предложил использовать некую схему взаимных компенсаций выгод и ущербов, причиняемых плановыми решениями государства. В ней не только последнее должно платить гражданам в случае их потерь, но и граждане должны платить государству в случае приобретения неожиданных выгод (Lai, 2010, p. 659). Какой-либо попытки оценить трансакционные издержки подобной процедуры в статье не предпринимается, а вероятность оппортунистического поведения сторон просто не упоминается.

¹² Правда, представления о различиях *форм и режимов* собственности (Bromley, 1989; Schloger & Ostrom, 1992), без которых собственность действительно приобретает «трудный характер» (Kueckeberg, 1995), авторы в свой анализ не вовлекли.

го, скорее даже не определяемого, а *поясняемого* образом шарнира, связывающего правительство с пространственной системой производства и потребления (Op. cit., pp. 67–68). Такой подход, с его точки зрения, «полностью не приемлет идею институтов как исключительно формальных и неодушевленных структур, фундаментально отделенных от путаницы реальных процессов и предположительно направленных на ее упорядочение» (Op. cit., p. 70). Легко видеть, что критикуемая «идея» имеет чисто социологический характер (дихотомия Agent-Structure) и не относится к НИЭТ, где «путаница» реальных практик рассматривается как форма существования институтов (Тамбовцев, 2014, с. 86), однако Джанин Риволин не следует и положениям НИЭТ, позиционируя себя как сторонника «акторского» (actor-centered) институционализма (Scharpf, 1997). С нашей точки зрения, из того, что в жизни мы имеем дело с наблюдаемыми практиками, никак не следует, что для их объяснения не нужно прибегать к ненаблюдаемым конструктам (или переменным), таким как институт: это общенаучный исследовательский прием. Тем самым разработка более операционального понимания систем планирования – еще одна актуальная задача ИТП.

В рамках сравнительных исследований плановых систем заметное место занимает изучение плановых культур (planning culture)¹³. В отличие от трактовки культуры как совокупности социетальных ценностей, преобладающей в экономических исследованиях, плановая культура понимается большинством работающих в этой сфере как совокупность неформальных норм и практик, действующих внутри плановых агентств и других организаций. Вместе с тем в понимании институционализма как подхода к изучению плановой культуры большинство авторов следуют так называемому «историческому институционализму» (Sanyal, 2005; Taylor, 2013; Othengrafen & Reimer, 2013), отнесенному к «новому институционализму» П. Холлом и Р. Тейлором (Hall & Taylor, 1996) и имеющему лишь некоторые пересечения с НИЭТ. В силу этого целый ряд вопросов, касающихся плановой культуры, остается недоисследованным как в теоретическом, так и эмпирическом аспекте. Так, Ф. Отенграфен, характеризуя концептуальные основы исследования плановой культуры, включает в них «когнитивные фреймы плановиков и плановых агентств; акторов и их взаимодействия; институциональный контекст и систему планирования; а также лежащие в основе социетальные убеждения (beliefs), восприятия и ценности, влияющие на планирование и суждения плановиков (planners' judgements)» (Othengrafen, 2014, p. 1). Легко видеть, что из числа этих основ выпали *субъективные нормы* плановиков, которые не являются ни частью когнитивных фреймов, ни социетальных убеждений, представляя собой самостоятельный фактор принятия решений о суждениях, связанный с ожидаемыми реакциями окружающих на эти суждения (вероятным осуждением / наказанием или, напротив, поощрением)¹⁴.

Как отмечалось выше, задача ИТП – выявить связи между действиями плановиков и характеристиками внутренней и внешней институциональной среды, влияющей на стимулы этих действий. Можно почти согласиться с С. Мандельбаумом в том, что *a priori* определить совокупность институтов, влияющих на планирование, невозможно (Mandelbaum, 1985, p. 7), но именно *почти*, поскольку продуктивная классификация *ситуаций планирования* может позволить логически вывести для каждого типа ситуации определенные типы институтов и организаций «за скобки» анализа.

По нашему мнению, в ее основу может быть положено соотношение субъекта и объекта планирования: составляет ли план субъектом *для самого себя* или же он *составляется для других индивидов*.

¹³ Мы используем этот термин, поскольку альтернативный перевод – «культура планирования» – имеет в русском языке оттенок качественной оценки: высокая/низкая культура планирования, что не соответствует практикам ее изучения.

¹⁴ Этот фактор может быть весьма полезным и для демистификации понятия власти, т.е. решения одной из задач, которые ставят перед собой сторонники критических исследований планирования (Metzger et al., 2017).

На основе этого признака можно выделить следующие виды планирования:

- *самопланирование* (СП), в рамках которого индивид планирует свои собственные действия;
- *коллективное планирование* (КП), при котором группа индивидов сообща, формируя в ходе обсуждения консенсус, определяет будущие действия ее участников;
- *планирование по поручению* (ПП), когда группа индивидов поручает другим индивидам (в том числе из состава самой группы) сформировать план будущих действий всех участников группы;
- *директивное планирование* (ДП), в рамках которого группа индивидов формирует план действий участников другой группы при отсутствии прямого поручения со стороны последних сделать это.

Самопланирование. Планирование – неотъемлемая черта рационального поведения (Ajzen, 1991), действенная стратегия саморегуляции для достижения отдаленных целей (Gollwitzer et al., 2004). Согласно теории спланированного поведения А. Айзена, поведение (действие) является следствием намерения (intention), которое, в свою очередь, определяется установкой (положительной самооценкой действия), субъективными нормами (представлениями о том, как другие отнесутся к намечаемому действию) и предполагаемым поведенческим контролем (perceived behavioural control), т.е. самооценкой возможности осуществить действие. План в терминах этой теории представляет собой совокупность *установки* – психологической репрезентации цели и *образа намеченного действия*, учитывающего ресурсные ограничения, в том числе в виде субъективных норм и локуса поведенческого контроля¹⁵. Все оценки, фигурирующие в этой теории, очевидно, обращены в будущее, т.е. включают элемент прогнозирования и анализа последствий намечаемого действия.

Право планирования в этом случае распространяется на самого индивида и то имущество, которым он вправе распоряжаться.

Коллективное планирование. Здесь члены некоторой группы планируют использование *своих* ресурсов: как тех, которыми владеют сообща, так и тех, которые принадлежат отдельным ее членам. Планирование группой индивидов программы применения ресурсов для достижения каких-то общих целей, на первый взгляд, с точки зрения стимулов не отличается от предыдущего случая, однако в действительности это не так: в рамках процесса возникает возможность оппортунистического поведения участников, как *ex ante*, так и *ex post* (Тамбовцев, 2017), т.е. стимулы к сокрытию своих возможностей в первом случае и стимулы к приумножению усилий – во втором.

Возможности проявлений оппортунизма в рамках коллективного планирования могут показаться противоречащими самой идее сотрудничества. Ведь оно предполагает достижение *общих* целей, т.е. приращение полезности для всех участников сотрудничающей группы индивидов. Но общая цель вовсе не означает, что она единственная, и стремящиеся к ней индивиды перестают заботиться о личной выгоде. Так, массовая разновидность коллективного планирования – это разработка *контрактов*. Их стороны, безусловно, имеют общую цель – произвести обмен, что никак не отменяет преследование ими и собственных, в том числе вполне корыстных, целей: покупатель хочет снижения цены, в то время как продавец – ее повышения. Поэтому формирование консенсуса не является достаточным основанием для предотвращения оппортунистического поведения: ведь консенсус представляет собой условие заключения *любой* сделки, однако контрактный оппортунизм от этого не становится менее распространенным явлением.

Планирование по поручению. Если первые два вида планирования можно назвать обобщенно «планирование для себя» (ПдС), то другие два представляют собой «пла-

¹⁵ Если локус имеет *внешний* характер, т.е. возможность выполнить действие зависит не от индивида, а от внешней среды, действие не будет спланировано и осуществлено.

нирование для других» (ПдД). Для ПдС его субъект (индивид или группа) и исполнитель совпадают, для ПдД – они разделены: план разрабатывает субъект, отличный от исполнителя.

К этому типу (в демократических странах) относится классическое планирование развития городов и других территорий, планирование бюджетов правительств разного уровня и т.п. Ведь субъекты таких планов – это индивиды, избранные гражданами в ходе электоральных процессов (а также назначенные или нанятые теми, кто был выбран гражданами, например, сити-менеджеры), которым избиратели *поручают* обеспечить производство и предоставление ряда благ и услуг, финансированию которых служат уплачиваемые ими налоги.

Право планирования передается разработчику плана заказчиком – избирателями, членами выборного органа управления какой-либо организацией или даже отдельным индивидом (например, передавшим право распоряжаться своими финансовыми активами паевому фонду или иной финансовой организации).

Легко видеть, что взаимодействия сторон в ПдД – это классические отношения принципал–агент со всеми вытекающими последствиями для стимулов и поведения участников.

Директивное планирование. Данный вид планирования в той или иной форме имеет место почти во всех *организациях*. Его осуществляет индивид (или группа индивидов), который согласно совокупности действующих в некоторой стране правил (формальных и неформальных институтов) *имеет право* определять задания участникам некоторой социально-экономической системы и средства их достижения. В рамках тоталитарных обществ такое право применительно к планированию всей экономики обеспечивается потенциалом насилия, которым обладает властвующая группа, в рамках демократических – конституциями государств, если они предполагают возможность планирования развития страны. Право директивного планирования внутри организаций (в том числе собственно государств как организаций (планирование госбюджета), а также частных фирм, территориальных систем совместного проживания, таких как регионы, города и т.п.) также фиксируется законодательством.

Сам факт установления плановых заданий для исполнителей говорит о том, что здесь, как и в случае планирования по поручению, повсеместными являются отношения принципал–агент и соответствующие им проблемы оппортунизма.

В этой связи заметим, что широко обсуждавшиеся в мировой литературе подходы, получившие названия *коллаборативного* (collaborative) (Innes and Booher, 1999; Healey, 2003) (разновидность – *соседское*, neighbourhood (Lord et al., 2017)) и *коммуникативного* (communicative) планирования (Healey, 1992)¹⁶, которые в течение определенного времени полагались действенными средствами и демократизации планирования, и повышения его качества, на практике эти задачи не решали. Объяснение этому факту было дано задолго до «бума» этих подходов: «существует критическое различие между пустым ритуалом участия и обладанием реальной властью, необходимым, чтобы влиять на конечные результаты процесса» (Arnstein, 1969, p. 216). Другими словами, для того чтобы у граждан были стимулы к участию, а разработанные планы оценивались бы ими более высоко, чем те, которые им просто «спустили», плановики должны были бы «поделиться властью», что в реальности происходило весьма редко. На самом же деле, проведя формальные консультации и обсуждения, но движимые *своим* пониманием «общего блага» (Mukhija, 2005), плановики (и их заказчики) принимали решения, часто далекие от нужд граждан.

Исходя из обсуждения классификации видов планирования, мы можем вернуться теперь к вопросу о том, *какие типы институтов* и как влияют на параметры процессов планирования и их результаты.

С нашей точки зрения, различные параметры этих процессов являются объектом воздействия несовпадающих компонентов институциональной среды. В связи с огра-

¹⁶ О становлении и современном состоянии этих подходов см. (Lane, 2005; Goodspeed, 2016; Legacy, 2017).

ническим размером статьи рассмотрим только один из этих параметров – качество планов. Хотя среди исследователей до сих пор нет единства в понимании того, что представляет собой качество плана (Guyadeen & Seasons, 2016; Connell & Daoust-Filatrault, 2017), понятно, что оно в значительной мере зависит от *усилий плановиков*. Эти усилия, их интенсивность и направленность, в свою очередь, зависят от их *мотиваций, стимулов и ответственности* за результаты их работы (кроме ситуации *самопланирования*, где уровень усилий определяется важностью решаемой задачи)¹⁷. Если мотивации суть следствия черт личности плановиков и их установок (просоциальных или эгоистических), то стимулы и ответственность напрямую определяются компонентами институциональной среды, как внешней, так и внутриорганизационной.

В рамках *коллективного планирования* наиболее значимы внутригрупповые нормы, определяющие формы и силу ответственности ее членов в случае выявленного оппортунизма, в то время как внешняя институциональная среда практически не влияет на действия членов группы. В рамках *планирования по поручению* на локальном уровне важным становится контрактное право, в соответствии с которым нанимается плановик; на уровне государства центральным фактором становятся политические институты. Если исполнительная власть в какой-то стране на разных уровнях ее организации не является в действительности зависимой от избирателей, то можно ожидать, что и плановики в своей деятельности будут поступать *так, как им удобнее* или привычнее, а не так, чтобы наилучшим образом обеспечить решение тех социальных проблем, которые снижают благосостояние избирателей¹⁸. В рамках *директивного планирования* на первый план выходят внутриорганизационные правила поощрения и наказания, в то время как внешняя институциональная среда приобретает характер общих рамок легальности.

Заключение. Перспективы институциональной теории планирования

Представленный выше анализ показывает, что концептуально-аналитический аппарат НИЭТ предоставляет самые широкие возможности исследования и решения как теоретических, так и прикладных проблем планирования самых разных видов. Единство методологической базы таких исследований позволяет, несмотря на разнообразие ситуаций, в которых осуществляется то или иное планирование, говорить о возможности разработки ИТП как *общей* ТП, интегрирующей как содержательные, так и процедурные ТП, формируемые применительно как к обобщенным (см. выше), так и конкретным ситуациям планирования.

Разумеется, НИЭТ не может и не должна выступать в роли *единственной* теоретической основы ИТП. Хотя сама она – «междисциплинарное начинание, комбинирующее экономическую теорию, право, организационную теорию, политическую науку, социологию и антропологию для того, чтобы понять институты социальной, политической и коммерческой жизни» (Klein, 2000, p. 456), по мере необходимости решения задач исследователи могут и должны привлекать более широкий круг научных дисциплин.

ЛИТЕРАТУРА

Тамбовцев, В. Л. (2014). Общественные блага и общественные интересы: есть ли связь? // *Вопросы экономики*, 11, 25–40.

Тамбовцев, В. Л. (2014). *Экономическая теория неформальных институтов*. М.: РГ-Пресс.

¹⁷ Интересно отметить, что плановики, осознавая различия между теоретическими требованиями к качественным планам и собственной практикой, ссылаются на *отсутствие достаточных ресурсов* для проработки всех аспектов качества, но не на отсутствие стимулов (Guyadeen, 2018).

¹⁸ Соответственно, все технологические инновации в системе планирования будут иметь характер имитаций: под новыми названиями будут скрываться те процедуры, которые наиболее удобны плановикам (бюрократам) (см., напр.: Швецов, 2017).

- Тамбовцев, В. Л. (2017). Планирование и оппортунизм // *Вопросы экономики*, 1, 22–39.
- Швецов, А. Н. (2017). Стратегическое планирование по-российски: торжество централизованного бюрократического выбора // *ЭКО*, 8, 114–127.
- Ajzen, I. (1991). The theory of planned behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 50(2), 179–211.
- Alexander, E. (1992). A Transaction Cost Theory of Planning // *Journal of the American Planning Association*, 58(2), 190–200.
- Alexander, E. R. (2002). Planning Rights: Toward Normative Criteria for Evaluating Plans // *International Planning Studies*, 7(3), 191–212.
- Alexander, E. R. (2015). 70 Years' Planning Theory: A Post-postmodernist Perspective // *Scienze Regionali*, 14(1), 5–18.
- Alexander, E. R. (1998). Doing the 'Impossible': Notes for a General Theory of Planning // *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*, 25(5), 667–680.
- Alexander, E. R. (2007). Planning rights and their Implications // *Planning Theory*, 6(2), 112–126.
- Alexander, E. R. (2007). Institutional Perspectives on Planning: Why? Where? How? pp. 37–59 / In: Verma N. (Ed.). *Institutions and Planning: An Analogical Inquiry*. Oxford: Elsevier.
- Allmendinger, P. (2002). Towards a post-positivist typology of planning theory // *Planning Theory*, 1(1), 77–99.
- Bromley, D. W. (1989). Property Relations and Economic Development: The Other Land Reform // *World Development*, 17(6), 867–877.
- Cheshire, P. and Sheppard, S. (2002). The welfare economics of land use planning // *Journal of Urban Economics*, 52(2), 242–269.
- Connell, D. J. and Daoust-Filiatrault L.-A. (2017). Better Than Good: Three Dimensions of Plan Quality // *Journal of Planning Education and Research*. DOI: 10.1177/0739456X17709501.
- Connell, D. J. (2010). Schools of Planning Thought: Exploring Differences through Similarities // *International Planning Studies*, 15(4), 269–280.
- Donaghy, K. P. and Hopkins, L. D. (2006). Coherentist Theories of Planning are Possible and Useful // *Planning Theory*, 5(2), 173–202.
- Ellickson, R. C. (1977). Alternatives to Zoning: Covenants, Nuisance Rules and Fines as Land Use Controls // *University of Chicago Law Review*, 40(4), 681–781.
- Ellis, G. (2004). Discourses of objection: towards an understanding of third-party rights in planning // *Environment and Planning A: Economy and Space*, 36(9), 1549–1570.
- Faludi, A. (1973). *Planning Theory*. Oxford: Pergamon.
- Fawaz, M. and Moumtaz, N. (2017). Of property and planning: a brief introduction // *Planning Theory & Practice*, 18(3), 345–350.
- Feldman, M. M. A. (1995). Regime and regulation in substantive planning theory // *Planning Theory* (Franco Angeli Series), 14, 65–94.
- Fischel, W. (1978). A Property Rights Approach to Municipal Zoning // *Land Economics*, 54(1), 64–81.
- Flyvbjerg, B. (2002). Bringing Power to Planning Research: One Researcher's Praxis Story // *Journal of Planning Education and Research*, 21(4), 353–366.
- Flyvbjerg, B. (2004). Phronetic planning research: Theoretical and methodological considerations // *Planning Theory and Practice*, 5(3), 283–306.
- Flyvbjerg, B. (2009). Survival of the unfittest: Why the worst infrastructure gets built – And what we can do about it // *Oxford Review of Economic Policy*, 25(3), 344–367.
- Friedmann, J. (1973). *Retracking America: A theory of transactive planning*. Garden City, N.Y.: Doubleday-Anchor.
- Galloway, T. D. and Mahayni, R. G. (1977). Planning theory in retrospect: the process of paradigm change // *Journal of the American Institute of Planners*, 43(1), 62–71.

- Gollwitzer, P. M., Fujita, K. and Oettingen, G. (2004). Planning and the Implementation of Goals, pp. 211–228 / In: Baumeister, R. F., and Vohs, K. D. (Eds.) *Handbook of self-regulation: Research, theory, and applications*. New York: Guilford Press.
- Goodspeed, R. (2016). The Death and Life of Collaborative Planning Theory // *Urban Planning*, 1(4), 1–5.
- Guyadeen, D. (2018). Do Practicing Planners Value Plan Quality? Insights from a Survey of Planning Professionals in Ontario, Canada // *Journal of the American Planning Association*, 84(1), 21–32.
- Guyadeen, D. and Seasons, M. (2016). Plan evaluation: Challenges and directions for future research // *Planning Practice & Research*, 31(2), 215–228.
- Hall, P. A. and Taylor, R. C. R. (1996). Political Science and the Three New Institutionalisms // *Political Studies*, 44(5), 936–957.
- Harris, B. (1997). The Theory of Planning and of its Profession // *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*, 24(4), 483–489.
- Healey, P. (1992). Planning through debate: the communicative turn in planning theory // *Town Planning Review*, 63(2), 143–162.
- Healey, P. and Williams, R. (1993). European planning systems: diversity and convergence // *Urban Studies*, 30(4–5), 701–720.
- Healey, P. (2003). Collaborative Planning in Perspective // *Planning Theory*, 2(2), 101–123.
- Healey, P., McDougall, G. and Thomas, M. J. (Eds.) (1982). *Planning theory: prospects for the 1980s*. Oxford: Pergamon.
- Hefetz, A. and Warner, M. (2007). Beyond the market versus planning dichotomy: Understanding privatisation and its reverse in US cities // *Local Government Studies*, 4(33), 555–572.
- Hohfeld, W. N. (1917). Fundamental legal conceptions as applied in judicial reasoning // *Yale Law Journal*, 26(8), 710–770. DOI: 10.2307/786270.
- Hudson, B. M., Galloway, T. D. and Kaufman, J. L. (1979). Comparison of current planning theories: counterparts and contradictions // *Journal of the American Planning Association*, 4(45), 387–398.
- Innes, J. and Booher, D. (1999). Consensus Building and Complex Adaptive Systems – A Framework for Evaluating Collaborative Planning // *Journal of the American Planning Association*, 65(4), 412–23.
- Janin Rivolin, U. (2012). Planning Systems as Institutional Technologies: a Proposed Conceptualization and the Implications for Comparison // *Planning Practice and Research*, 27(1), 63–85.
- Kim, A. M. (2012). The Evolution of the Institutional Approach in Planning, pp. 69–86 / In: Crane R. and Weber R. (Eds.) *Oxford Handbook of Urban Planning*. New York: Oxford University Press.
- Klein, P. G. (2000). New Institutional Economics, pp. 456–489 / In: Bouckaert B. and De Geest G. (Eds.) *Encyclopedia of Law and Economics*, vol. 1. Cheltenham: Edward Elgar.
- Klosterman, R. E. (1985). Arguments For and Against Planning // *Town Planning Review*, 56(1), 5–20.
- Kostova, T., Roth, K. and Dacin, M. T. (2008). Institutional Theory in the Study of Multinational Corporations: A Critique and New Directions // *Academy of Management Review*, 33(4), 994–1006.
- Kumar, A. (2011). Planning Rights: A Review and Discussion // *Journal of Institute of Town Planners*, 8(4), 21–30.
- Lai, L. W. C. (2005). Neo-Institutional Economics and Planning Theory // *Planning Theory*, 4(1), 7–19.
- Lai, L. W. C. (1994) The Economics of Land Use Zoning: A Literature Review and Analysis of the Work of Coase // *Town Planning Review*, 65(1), 77–98.

- Lai, S.-K. and Han, H. (2014). Behavioral Planning Theory, pp. 265–272 / In: Wang J. (Ed.) *Encyclopedia of Business Analytics and Optimization*. Hershey: IGI Global.
- Lai, L. (2010). A model of planning by contract: integrating comprehensive state planning, freedom of contract, public participation and fidelity // *Town Planning Review*, 81(6), 647–674.
- Lane, M. B. (2005). Public Participation in Planning: An Intellectual History // *Australian Geographer*, 36(3), 283–299.
- Lawrence, T. B. and Shadnam, M. (2008). Institutional Theory, pp. 2288–2293 / In: Donsbach W. (Ed.). *The International Encyclopedia of Communication*. Malden: Blackwell Publishing.
- Lee, D. B., Jr. (1981). Land Use Planning as a Response to Market Failure, pp. 149–164 / In: de Neufville J. I. (Ed.). *The Land Use Policy Debate in the United States*. Boston: Springer.
- Legacy, C. (2017). Is there a crisis of participatory planning? // *Planning Theory*, 16(4), 425–442.
- Lindblom, C. E. (1959). The Science of «Muddling Through» // *Public Administration Review*, 2(19), 79–88.
- Lord, A. (2014). Towards a non-theoretical understanding of planning // *Planning Theory*, 13(1), 26–43.
- Lord, A., Mair, M., Sturzaker, J. and Jones, P. (2017). The planners' dream goes wrong? Questioning citizen-centred planning // *Local Government Studies*, 43(3), 344–363.
- Mandelbaum, S. J. (1979). A Complete General Theory of Planning Is Impossible // *Policy Sciences*, 11(1), 59–71.
- Mandelbaum, S. J. (1985). The Institutional Focus of Planning Theory // *Journal of Planning Education and Research*, 5(1), 3–9.
- Metzger, J., Soneryd, L. and Hallström, K. T. (2017). 'Power' is that which remains to be explained: Dispelling the ominous dark matter of critical planning studies // *Planning Theory*, 16(2), 203–222.
- Misra, S. K. and Puri, V. K. (1986). *Economics of Development and Planning*. Mumbai: Himalaya Publishing House.
- Moulaert, F. (2005). Institutional economics and planning theory: a partnership between ostriches? // *Planning Theory*, 4(1), 21–32.
- Mukhija, V. (2005). Collective Action and Property Rights: A Planner's Critical Look at the Dogma of Private Property // *International Journal of Urban and Regional Research*, 29(4), 972–983.
- Nelson, R. H. (1977). *Zoning and Property Rights: An Analysis of the American System of Land Use Regulation*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Othengrafen, F. (2014). The Concept of Planning Culture: Analysing How Planners Construct Practical Judgements in a Culturised Context // *International Journal of E-Planning Research*, 3(2), 1–17.
- Othengrafen, F. and Reimer, M. (2013). The Embeddedness of Planning in Cultural Contexts: Theoretical Foundations for the Analysis of Dynamic Planning Cultures // *Environment and Planning A: Economy and Space*, 45(6), 1269–1284.
- Oxley, M., Brown, T., Nadin, V., Qu, L., Tummers, L. and Fernández-Maldonado, A. M. (2009). *Review of European Planning Systems*. Leicester: De Montfort University.
- Poulton, M. C. (1991). The Case for a Positive Theory of Planning. Part 1: What is Wrong with Planning Theory? // *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*, 18(2), 225–232.
- Sager, T. (2001). Positive Theory of Planning: The Social Choice Approach // *Environment and Planning A: Economy and Space*, 33(4), 629–647.
- Sanyal, B. (Ed.) (2005). *Comparative Planning Cultures*. New York: Routledge.
- Scharpf, F. W. (1997). *Games Real Actors Play: Actor-Centered Institutionalism in Policy Research*. Boulder, CO: Westview Press.

Schloger, E. and Ostrom, E. (1992). Property-rights regimes and natural resources: A conceptual analysis // *Land Economics*, 68(3), 249–262.

Schmidt, S. and Buehler, R. (2007). The planning process in the US and Germany: a comparative analysis // *International Planning Studies*, 12(1), 55–75.

Sorensen, A. (2017). New Institutionalism and Planning Theory, pp. 250–263 / In: Gunder, M., Madanipour, A., and Watson, V. (Eds.). *Routledge Handbook of Planning Theory*. New York: Routledge.

Tambovtsev, V. (2011). Types of Economic Action // *Social Sciences*, 42(2), 3–17.

Tasan-Kok, T. and Baeten, G. (Eds.) (2012). *Contradictions of Neoliberal Planning: Cities, Policies, and Politics*. Dordrecht: Springer.

Taylor, Z. (2013). Rethinking planning culture: a new institutionalist approach // *Town Planning Review*, 84(6), 683–702.

Thomas, M. J. (1982). The procedural theory of A Faludi, pp. 13–25 / In: Paris, C. (Ed.) *Critical Readings in Planning Theory*. Oxford: Pergamon Press.

Watson, V. (2016). Shifting Approaches to Planning Theory: Global North and South // *Urban Planning*, 1(4), 32–41.

Webster, C. (1998) Public Choice, Pigovian and Coasian Planning Theory // *Urban Studies*, 35(1), 53–75.

Webster, C., Adams, D., Pearce, B., Henneberry, J. and Ward, S. V. (2005). The New Institutional Economics and the evolution of modern urban planning: Insights, issues and lessons // *Town Planning Review*, 76(4), 455–484.

Yiftachel, O. (1989). Towards a New Typology of Urban Planning Theories // *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*, 16(1), 23–39.

REFERENCES

Ajzen, I. (1991). The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 50(2), 179–211.

Alexander, E. (1992). A Transaction Cost Theory of Planning. *Journal of the American Planning Association*, 58(2), 190–200.

Alexander, E. R. (2002). Planning Rights: Toward Normative Criteria for Evaluating Plans. *International Planning Studies*, 7(3), 191–212.

Alexander, E. R. (2015). 70 Years' Planning Theory: A Post-postmodernist Perspective. *Scienze Regionali*, 14(1), 5–18.

Alexander, E. R. (1998). Doing the 'Impossible': Notes for a General Theory of Planning. *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*, 25(5), 667–680.

Alexander, E. R. (2007). Planning rights and their Implications. *Planning Theory*, 6(2), 112–126.

Alexander, E. R. (2007). Institutional Perspectives on Planning: Why? Where? How? pp. 37–59 / In: Verma N. (Ed.). *Institutions and Planning: An Analogical Inquiry*. Oxford: Elsevier.

Allmendinger, P. (2002). Towards a post-positivist typology of planning theory. *Planning Theory*, 1(1), 77–99.

Bromley, D. W. (1989). Property Relations and Economic Development: The Other Land Reform. *World Development*, 17(6), 867–877.

Cheshire, P. and Sheppard, S. (2002). The welfare economics of land use planning. *Journal of Urban Economics*, 52(2), 242–269.

Connell, D. J. and Daoust-Filiatrault L.-A. (2017). Better Than Good: Three Dimensions of Plan Quality. *Journal of Planning Education and Research*. DOI: 10.1177/0739456X17709501.

Connell, D. J. (2010). Schools of Planning Thought: Exploring Differences through Similarities. *International Planning Studies*, 15(4), 269–280.

Donaghy, K. P. and Hopkins, L. D. (2006). Coherentist Theories of Planning are Possible and Useful. *Planning Theory*, 5(2), 173–202.

- Ellickson, R. C. (1977). Alternatives to Zoning: Covenants, Nuisance Rules and Fines as Land Use Controls. *University of Chicago Law Review*, 40(4), 681–781.
- Ellis, G. (2004). Discourses of objection: towards an understanding of third-party rights in planning. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 36(9), 1549–1570.
- Faludi, A. (1973). *Planning Theory*. Oxford: Pergamon.
- Fawaz, M. and Moutaz, N. (2017). Of property and planning: a brief introduction. *Planning Theory & Practice*, 18(3), 345–350.
- Feldman, M. M. A. (1995). Regime and regulation in substantive planning theory. *Planning Theory* (Franco Angeli Series), 14, 65–94.
- Fischel, W. (1978). A Property Rights Approach to Municipal Zoning. *Land Economics*, 54(1), 64–81.
- Flyvbjerg, B. (2002). Bringing Power to Planning Research: One Researcher's Praxis Story. *Journal of Planning Education and Research*, 21(4), 353–366.
- Flyvbjerg, B. (2004). Phronetic planning research: Theoretical and methodological considerations. *Planning Theory and Practice*, 5(3), 283–306.
- Flyvbjerg, B. (2009). Survival of the unfittest: Why the worst infrastructure gets built – And what we can do about it. *Oxford Review of Economic Policy*, 25(3), 344–367.
- Friedmann, J. (1973). *Retracking America: A theory of transactive planning*. Garden City, N.Y.: Doubleday-Anchor.
- Galloway, T. D. and Mahayni, R. G. (1977). Planning theory in retrospect: the process of paradigm change. *Journal of the American Institute of Planners*, 43(1), 62–71.
- Gollwitzer, P. M., Fujita, K. and Oettingen, G. (2004). Planning and the Implementation of Goals, pp. 211–228 / In: Baumeister, R. F. and Vohs, K. D. (Eds.) *Handbook of self-regulation: Research, theory, and applications*. New York: Guilford Press.
- Goodspeed, R. (2016). The Death and Life of Collaborative Planning Theory. *Urban Planning*, 1(4), 1–5.
- Guyadeen, D. (2018). Do Practicing Planners Value Plan Quality? Insights from a Survey of Planning Professionals in Ontario, Canada. *Journal of the American Planning Association*, 84(1), 21–32.
- Guyadeen, D. and Seasons, M. (2016). Plan evaluation: Challenges and directions for future research. *Planning Practice & Research*, 31(2), 215–228.
- Hall, P. A. and Taylor, R. C. R. (1996). Political Science and the Three New Institutionalisms. *Political Studies*, 44(5), 936–957.
- Harris, B. (1997). The Theory of Planning and of its Profession. *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*, 24(4), 483–489.
- Healey, P. (1992). Planning through debate: the communicative turn in planning theory. *Town Planning Review*, 63(2), 143–162.
- Healey, P. and Williams, R. (1993). European planning systems: diversity and convergence. *Urban Studies*, 30(4–5), 701–720.
- Healey, P. (2003). Collaborative Planning in Perspective. *Planning Theory*, 2(2), 101–123.
- Healey, P., McDougall, G. and Thomas, M. J. (Eds.) (1982). *Planning theory: prospects for the 1980s*. Oxford: Pergamon.
- Hefetz, A. and Warner, M. (2007). Beyond the market versus planning dichotomy: Understanding privatisation and its reverse in US cities. *Local Government Studies*, 4(33), 555–572.
- Hohfeld, W. N. (1917). Fundamental legal conceptions as applied in judicial reasoning. *Yale Law Journal*, 26(8), 710–770. DOI: 10.2307/786270.
- Hudson, B. M., Galloway, T. D. and Kaufman, J. L. (1979). Comparison of current planning theories: counterparts and contradictions. *Journal of the American Planning Association*, 4(45), 387–398.
- Innes, J. and Booher, D. (1999). Consensus Building and Complex Adaptive Systems – A Framework for Evaluating Collaborative Planning. *Journal of the American Planning Association*, 65(4), 412–23.

- Janin Rivolin, U. (2012). Planning Systems as Institutional Technologies: a Proposed Conceptualization and the Implications for Comparison. *Planning Practice and Research*, 27(1), 63–85.
- Kim, A. M. (2012). The Evolution of the Institutional Approach in Planning, pp. 69–86 / In: Crane R. and Weber R. (Eds.) *Oxford Handbook of Urban Planning*. New York: Oxford University Press.
- Klein, P. G. (2000). New Institutional Economics, pp. 456–489 / In: Bouckaert B. and De Geest G. (Eds.) *Encyclopedia of Law and Economics*, vol. 1. Cheltenham: Edward Elgar.
- Klosterman, R. E. (1985). Arguments For and Against Planning. *Town Planning Review*, 56(1), 5–20.
- Kostova, T., Roth, K. and Dacin, M. T. (2008). Institutional Theory in the Study of Multinational Corporations: A Critique and New Directions. *Academy of Management Review*, 33(4), 994–1006.
- Kumar, A. (2011). Planning Rights: A Review and Discussion. *Journal of Institute of Town Planners*, 8(4), 21–30.
- Lai, L. W. C. (2005). Neo-Institutional Economics and Planning Theory. *Planning Theory*, 4(1), 7–19.
- Lai, L. W. C. (1994) The Economics of Land Use Zoning: A Literature Review and Analysis of the Work of Coase. *Town Planning Review*, 65(1), 77–98.
- Lai, S.-K. and Han, H. (2014). Behavioral Planning Theory, pp. 265–272 / In: Wang J. (Ed.) *Encyclopedia of Business Analytics and Optimization*. Hershey: IGI Global.
- Lai, L. (2010). A model of planning by contract: integrating comprehensive state planning, freedom of contract, public participation and fidelity. *Town Planning Review*, 81(6), 647–674.
- Lane, M. B. (2005). Public Participation in Planning: An Intellectual History. *Australian Geographer*, 36(3), 283–299.
- Lawrence, T. B. and Shadnam, M. (2008). Institutional Theory, pp. 2288–2293 / In: Donsbach W. (Ed.). *The International Encyclopedia of Communication*. Malden: Blackwell Publishing.
- Lee, D. B., Jr. (1981). Land Use Planning as a Response to Market Failure, pp. 149–164 / In: de Neufville J. I. (Ed.). *The Land Use Policy Debate in the United States*. Boston: Springer.
- Legacy, C. (2017). Is there a crisis of participatory planning? *Planning Theory*, 16(4), 425–442.
- Lindblom, C. E. (1959). The Science of «Muddling Through». *Public Administration Review*, 2(19), 79–88.
- Lord, A. (2014). Towards a non-theoretical understanding of planning. *Planning Theory*, 13(1), 26–43.
- Lord, A., Mair, M., Sturzaker, J. and Jones, P. (2017). The planners' dream goes wrong? Questioning citizen-centred planning. *Local Government Studies*, 43(3), 344–363.
- Mandelbaum, S. J. (1979). A Complete General Theory of Planning Is Impossible. *Policy Sciences*, 11(1), 59–71.
- Mandelbaum, S. J. (1985). The Institutional Focus of Planning Theory. *Journal of Planning Education and Research*, 5(1), 3–9.
- Metzger, J., Soneryd, L. and Hallström, K. T. (2017). 'Power' is that which remains to be explained: Dispelling the ominous dark matter of critical planning studies. *Planning Theory*, 16(2), 203–222.
- Misra, S. K. and Puri, V. K. (1986). *Economics of Development and Planning*. Mumbai: Himalaya Publishing House.
- Moulaert, F. (2005). Institutional economics and planning theory: a partnership between ostriches? *Planning Theory*, 4(1), 21–32.
- Mukhija, V. (2005). Collective Action and Property Rights: A Planner's Critical Look at the Dogma of Private Property. *International Journal of Urban and Regional Research*, 29(4), 972–983.

Nelson, R. H. (1977). *Zoning and Property Rights: An Analysis of the American System of Land Use Regulation*. Cambridge, MA: MIT Press.

Othengrafen, F. (2014). The Concept of Planning Culture: Analysing How Planners Construct Practical Judgements in a Culturised Context. *International Journal of E-Planning Research*, 3(2), 1–17.

Othengrafen, F. and Reimer, M. (2013). The Embeddedness of Planning in Cultural Contexts: Theoretical Foundations for the Analysis of Dynamic Planning Cultures. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 45(6), 1269–1284.

Oxley, M., Brown, T., Nadin, V., Qu, L., Tummors, L. and Fernández-Maldonado, A. M. (2009). *Review of European Planning Systems*. Leicester: De Montfort University.

Poulton, M. C. (1991). The Case for a Positive Theory of Planning. Part 1: What is Wrong with Planning Theory? *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*, 18(2), 225–232.

Sager, T. (2001). Positive Theory of Planning: The Social Choice Approach. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 33(4), 629–647.

Sanyal, B. (Ed.) (2005). *Comparative Planning Cultures*. New York: Routledge.

Scharpf, F. W. (1997). *Games Real Actors Play: Actor-Centered Institutionalism in Policy Research*. Boulder, CO: Westview Press.

Schloger, E. and Ostrom, E. (1992). Property-rights regimes and natural resources: A conceptual analysis. *Land Economics*, 68(3), 249–262.

Schmidt, S. and Buehler, R. (2007). The planning process in the US and Germany: a comparative analysis. *International Planning Studies*, 12(1), 55–75.

Shvetsov, A. N. (2017). Strategic Planning In the Russian Way: the Triumph of the Centralized Bureaucratic Choice. *EKO*, 8, 114–127. (In Russian.)

Sorensen, A. (2017). New Institutionalism and Planning Theory, pp. 250–263 / In: Gunder, M., Madanipour, A. and Watson, V. (Eds.). *Routledge Handbook of Planning Theory*. New York: Routledge.

Tambovtsev, V. L. (2011). Types of Economic Action. *Social Sciences*, 42(2), 3–17.

Tambovtsev, V. L. (2014). *Economics of Informal Institutions*. Moscow: RG-Press. (In Russian.)

Tambovtsev, V. L. (2015). Public Goods and Public Interests: Is There a Connection? *Social Sciences*, 46(2), 3–18. (In Russian.)

Tambovtsev, V. L. (2017). Planning and Opportunism. *Voprosy Ekonomiki*, 1, 22–39.

Tasan-Kok, T. and Baeten, G. (Eds.) (2012). *Contradictions of Neoliberal Planning: Cities, Policies, and Politics*. Dordrecht: Springer.

Taylor, Z. (2013). Rethinking planning culture: a new institutionalist approach. *Town Planning Review*, 84(6), 683–702.

Thomas, M. J. (1982). The procedural theory of A Faludi, pp. 13–25 / In: Paris, C. (Ed.) *Critical Readings in Planning Theory*. Oxford: Pergamon Press.

Watson, V. (2016). Shifting Approaches to Planning Theory: Global North and South. *Urban Planning*, 1(4), 32–41.

Webster, C. (1998) Public Choice, Pigovian and Coasian Planning Theory. *Urban Studies*, 35(1), 53–75.

Webster, C., Adams, D., Pearce, B., Henneberry, J. and Ward, S. V. (2005). The New Institutional Economics and the evolution of modern urban planning: Insights, issues and lessons. *Town Planning Review*, 76(4), 455–484.

Yiftachel, O. (1989). Towards a New Typology of Urban Planning Theories. *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*, 16(1), 23–39.